

Репортаж об оттаявшей душе

...Пронзительный стон муреного электромузыкального инструмента. Прозрачная кисея перед сумеречной сценой. А на ней — огромная запятая (мечто среднее между вирусом скарлатины и мальчишеским вихром), изображающая виток метели. Толчея на десяти-пятнадцати квадратных метрах площадки: сама сценическая площадка, закрученная в тугую спираль, уходящую куда-то вверх, к теням облаков на заднике... Наваристый компот эффектов щедро выливается на голову ошеломленного зрителя, и сидящий в зале с трудом нащупывает конец сюжетной нити. Он отчаянно цепляется за обрывки диалогов, дышась за звоном тревожной мелодии уловить смысл происходящей картины. Напрягает слух и зрение, рискуя потерять и то, и другое.

Нет, начальные сцены спектакля «Закон зимовки» никак нельзя считать простыми и ясными, как логика математика.

Но однако, они навязчивы, эти вводные реплики!

— Западник дует. Ну и туман!

— Может, не прилетит?

— Прилетит. Мыс Шайтанский прошли. Поворачивать теперь не будут...

— Вы не слышали, какой он?

— Кто?

— Ну, боже мой, ну, начальник же!

— Начальник, что жена: какая случится, с той и жить...

— Кабы знать, какой он человек.

Зимовщики — строители Северного порта в Арктике на пустынном острове, окруженном льдами. Льдами и только льдами, с нетерпением ждут приезда нового начальника стройки. Оно, конечно, так — «начальник, что жена... но с женой разойтись можно». А попробуй, разойдись с человеком, когда вокруг — ночь и океан. Люби — не люби, а уживаться надо.

Только ли уживаться!

Жить! Жить, как брат с братом, — иных законов зимовка на семидесятих широ-

тах не признает. Жить за полярным кругом — значит, верить друг другу до конца, сдвигать усилия каждого в один аккумулятор мускульной и духовной энергии, творящей чудеса на каменном острове среди равнодушного и жестокого океана. Зимовать под сполохами полярного сияния — значит, забыть о самом себе как об отличном от коллектива индивидууме.

Но Иван Иванович Бут — новый начальник стройки, загнанный в черную форму морского офицера мужчина сорока восьми лет, не знает и не верит в этот непреодолимый закон зимовки. Долг, честь, обязанность, по его мнению, понятия, несомнимые с сентиментами, выраженными в словах «любовь», «дружба», «доверие».

Более конфликтную завязку трудно себе представить...

«...Что такое вообще дружба, любовь, честность, самолюбие, доверие, — над всеми этими и многими другими вопросами задумались мои герои, а вместе с ними приходилось задуматься и мне», — писал Борис Лаврентьевич Горбатов в одной из статей, определяя идейный смысл своей пьесы «Закон зимовки». Но осуществленный замысел оказался шире: в центре внимания зрителей и читателей стали проблемы формирования характера советского человека, роста коллектива, борьба за коммунистическое отношение к труду. Разбирая конструкцию произведения, трудно выделить одну из трех тем: выразивших философскую мысль автора и слитых так же неделимо, как мелодия в контрапункте. Тема вырождения одиночки, противопоставившего себя коллективу, обществу, — ведущее начало от шолоховского Григория Мелехова; тема невозможности жить одному, какими бы прекрасными

качествами этот человек не обладал; тема рождения коллектива, законы становления коллектива, имеющие сходство с развитием личности. Неоспоримая значительность этих мотивов и определяет то, что драма, написанная в последнем варианте восемь лет тому назад, повествующая о событиях двадцатилетней давности, зазвучала сегодня как песня, рожденная современностью. И Московский драматический театр, представив для первого знакомства именно этот свой спектакль, нашел верный ключ к сердцу уфимского зрителя.

Б. Горбатов работал над пьесой около десяти лет, считая со времени зарождения первого замысла. Но вечная неудовлетворенность художника своими творениями не позволила автору признаться, что драма закончена. Труд писателя очень своеобразно завершил Московский драматический театр, объединивший в партитуре спектакля два произведения Б. Горбатова — драму «На старой зимовке» и рассказ «Суд над Степаном Грохотом».

Это привело к интересным сценическим задачам, так же своеобразно решенным театром.

Никто, никогда, разумеется, не станет биться головой о стену, пытаясь опровергнуть

прописную истину, что для каждого театра должно быть свойственно самостоятельное решение сценических проблем. По первому спектаклю Московского драматического театра нельзя сказать, что коллектив доводит эти искания до болезненной жажды необычного, оригинального, какая стала в последнее время когдe модой. Но наши гости обнаружили своеобразную черту: постановщик драмы «Закон зимовки» главный режиссер А. Гончаров свел в органическое целое две казалось бы несомнимые вещи — строго реалистический трактат драматургического материала, он ввел в спектакль элементы условного театра.

Прежде всего, эта тенденция проявилась в образе Федора Харитонов. Федор Харитонов объединил в себе рассказчика-автора и активно действующий персонаж. В качестве рассказчика, свидетеля, пережившего события, которых зритель еще предстоит увидеть, он судит Бута, опережая ход действия, анализирует факты:

«Эх, не умел этот человек улыбаться! В этом-то и было несчастье его, а, пожалуй, и несчастье всей нашей зимовки».

Харитонов-автор — лицо чисто условное; он далек от волнения пережитого; он спокоен